

Николай ИВАНОВ

Комбатанты

Новелла

1.

— На колени!
— Головы не поднимать!
— Снять мешки!
— Головы не поднимать, я сказал!

Автоматные очереди лучше овчарок навели порядок в сбившемся стаде пленников. Да и зря они торопятся увидеть перед собой свежевыврытую могилу. В их положении именно темнота и неизвестность оставляли ещё хоть какую-то надежду на спасение. А так...

А так за спины заложников становлюсь я — бестелесное исчадие ада, демон, вселенское зло, которое может появиться в любое мгновение в любом облике. Они должны бояться даже простого ожидания моих безмолвных команд. Моего настроения. Моих желаний. Мне не то что нравятся их мучить, но растоптать, сломить, растереть в прах — как десерт к утренней кружке чая, которую к тому же ещё не выпил.

Поднимаю руку. Мои головорезы берут пленников за волосы. У кого они короткие, удобно цепляться за глазницы.

А вот теперь отмашка!

Головы несчастных синхронно вздёргиваются вверх. Хотели видеть мир после пленения? Радуйтесь ему: на краю могилы бойцы сдирают шкуру с тушки барана. А можно и с любого из вас... Две девушки безмолвно валятся в обморок. Мало. Рассчитывал на большее количество.

— Смотреть!
— Не опускать головы!
— Глаз не отводить, я сказал!

Моя автоматная очередь над головами уже как удар пастушьим хлыстом: хозяин стада — я! И только сейчас приступаю к главному действию.

— Разделиться на пары!

Светловолосая худенькая девушка тянется мизинчиком к ободранному маникюром к стоящему рядом парню в камуфляже. Зря так сделала, милая. Ох, зря! Когда-то давным-давно подобным образом тянулся и я до одной девушки, выцарапывая у скамейки расстояние до неё. Но, видать, слишком длинной оказалась та скамья... Так что напоминать об этом мне не стоило. А вот вашу лебединую верность испытать на излом интересно.

Пиная влюблённых ногой в спины — взять их!

Остальных мимо осыпавшейся, втягивающей в свою глубину могилы ведут к бензовозу, усаживают на солнцепёке вдоль борта. Мелочей в моих действиях нет, здесь ничто не случайно: при малейшей попытке освобождения пленного одного зажигательного патрона по бензобаку окажется достаточно, чтобы поднять всех в небо одним клубом огня и дыма. Я ведь никогда не обманываю пленников: сказал, что спасение в темноте, так и цеплялись бы за мешки на головах, лелея надежду на недоразумение, которое вот-вот кончится.

Сам иду за капонир, на ходу надевая маску-чулок и снимая орденские планки с ещё советскими наградами. Были времена... Усаживаюсь за приготовленный столик, с наслаждением впиваюсь в красный полумесяц арбузного ломтя. К стекающим по маске каплям устремились осы, и приходится отмахиваться от них кинжалом. Подошедшей парочке охрана бьёт по ногам, приучая стоять перед старшим на коленях. Бросаю им под нос обглоданный полумесяц, натравливая на пленников и ос.

— Короче, так, — вытаскиваю чёрно-белые чётки.

Психология: бесцветные мало привлекают внимания, а вот к чёрно-белым горошинам у приговорённых к смерти притяжение магическое. Мой перебор ими, как гадание на ромашке: расстреляю — не расстреляю, в могилу спихну — к Аллаху

пошлю. А как хотели? Бросали блондинки и нас...

— С каждой пары в живых оставляем одного. Ты, — протыкаю кинжалом взгляд парня и демонстративно выставляю чёрный кругляш, — бежишь в сторону леса. Ты, — полоснул, как бритвой, по взгляду девушки, заодно пролистывая, как книжную страницу без картинок, белую горошину, — стреляешь в него. Попадёшь — останешься жить, — задерживаю белую масть, чтобы глотнула воздуха. Как же знаком завиток у виска! У всех блондинок он такой? — Если он уйдёт, придётся расстрелять тебя, — выбрасываю масть чёрную. У меня всё рядом, хватает одного движения пальчиком. Это вам не на скамейке сидеть с томиком Цветаевой и отодвигаться, отодвигаться...

Зато влюблённые в один миг, на глазах стареют. Так-то, испытывать судьбу мизинчиками! А вот теперь выбор, кому остаться в живых. И за счёт кого. И как потом с этим жить.

2.

Самое неприятное при захвате заложников — это ранний подъём. Лягушки ещё квакают в затонах, а солдату — мотай портянки. Утешает лозунг, который однажды пришлось увидеть в одной из тюрем: «Кто не с нами, тот у нас». А у нас в руках должны были оказаться два десятка столичных студентов-волонтеров, пожаловавших работать в «горячих точках» с гуманитарной миссией. Слово-то какое красивое для них придумалось — комбатанты. Идущие с войсками. Но — доходятся! Без моего желания, без разрешения здесь ни одна миссия невыполнима. Остановлю любого и там, где пожелаю. Вот только жаль, что не высплюсь. Но тем хуже для остальных, потому что буду злее!

Под фонариком экипировались, на ощупь проверились. С Богом! Нас ждут великие дела.

К рассвету отряд слился с кустами, рытвинами, кочками. Месяц, всю ночь горбатым пастухом стороживший ста-

непогодой и временем плакат «Берегите лес». Лес сбережём. Ни один сучок не треснет, ни одна птица не встрепенётся. У меня рюшечки на старых колодцах не пройдут, я пью чистую воду!

На узкую дорогу, пыльным деревенским половиком лёгшую среди кустов, нужный нам автобус выполз раздутым оранжевым жуком. Выпучив глаза-тарелки, вытянула шею вышка сотовой связи. Но здесь связь никому не поможет, мешок для сбора мобильных подготовлен. А вот почитать чужие смс-ки на досуге будет занимательно. Какие же глупцы те, кто не стирает перед дальней дорогой свидетельства личной жизни. Они для шантажа — лучшая подпитка.

«Бережёного Бог бережёт, небережёного — конвой стережёт», — вспомнилась ещё одна присказка конвойных войск. Ребята там служат весёлые. У них много подобных прибауток: и что если и ходят они в театр, то только в камерный, и что



Хотя насчёт жизни торопиться тоже не стоит, надо ещё будет и победителю выиграть у меня белую фишку. Я ведь не говорю, что поле заминировано, а в автомате холостые патроны. Мне важно, чтобы девушка взяла в руки оружие. Для видеосъёмки. Парня, если не подорвётся, пристрелим сами, но девица не докажет никому никогда, что это не она нажала курок. Нам же в отряд нужны отчаявшиеся, загнанные в угол смертники со славянскими лицами.

— Беги!
— Стреляй!

Ах, как же ненасытно вкусны первые арбузы!

до звёзд, рассвет всё же проспал, и стадо разбежалось, оставив старика бледным свернувшимся калачиком среди редких облачков.

В бинокль стал постепенно различаться недалёкий аул и акакал, развозивший по полю навоз в старенькой детской коляске. Около его избы красовался свежевывкрашенный сруб над колодцем. Вечером последовал его — полный тины и лягушек. Поставить новые венцы на нечищенные колодцы и считать свой долг перед народом выполненным — это в крови у нынешней власти. Потому я и не в ней. Из захлапленного предгорного бурелома подслеповато выглядывает замшелый, скрюченный

даже картошку они — сажает! А мы ничего сажать не станем, мы просто воткнём в землю носом полтора десятка наивных глупцов-миротворцев, чтобы навсегда отбить у них желание лезть в войну со слоньячками. Фон для нашей работы более чем благоприятный, со вчерашнего дня на границе Чечни и Ингушетии идёт боестолкновение. Раненые пошли и среди мирного населения, в район тронулись конвои с гуманитарной помощью, а мы студенческую «гуманитарку» на нашем участке сравняем с землёй...

Ползущего меж чёрных асфальтовых заплат жука видят все, и команд стараюсь не дублировать, пробуждая у своих волчат